ЛЮДМИЛА
ПЕТРУШЕВСКАЯ
СТРАНСТВИЯ
ПО ПОВОДУ
СМЕРТИ

Людмила Петрушевская

Странствия по поводу смерти (сборник)

«Эксмо»
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Петрушевская Л. С.

Странствия по поводу смерти (сборник) /
Л. С. Петрушевская — «Эксмо», 2017

ISBN 978-5-699-98777-1

В этой книге собраны истории, так или иначе связанные с нарушениями закона: иногда человек может просто ошибиться, а иногда — посчитать закон несправедливым. Заглавная повесть сборника «Странствия по поводу смерти» — детектив с элементами триллера, редкий для автора жанр. Еще один триллер, «Конфеты с ликером»,□— история молодой женщины, жены серийного убийцы, пытающейся спасти своих детей. Также в книге есть рассказы с трогательными сюжетами о любви, но в каждом из них так или иначе заложена опасность — и история ее преодоления. В сущности, эта книга повествует о победах над судьбой.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98777-1

© Петрушевская Л. С., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Странствия по поводу смерти 6
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Людмила Петрушевская
Странствия по поводу смерти [сборник]

Издание осуществлено при содействии литературного агентства Banke, Goumen & Smirnova

Художественное оформление *Алексея Дурасова*

На переплете репродукция картины *Александры Шадриной*

Странствия по поводу смерти

Ситуация простая: Вера вызвала такси ехать в аэропорт.

Но и не очень простая: Вера должна была лететь в Петербург по случаю кончины своей тетушки.

Ситуация нехорошая, хотя и не трагическая, тетя давно с их семьей не общалась и даже не отвечала по телефону, а сразу бросала трубку, и этой тете было за восемьдесят, а ее родной сестре, маме Веры, под семьдесят (Вера была поздним ребенком, как, кстати, и ее мать).

Во всяком случае, у умершей иногородней тети эта Вера с ее мамой должны были считаться единственными родственниками, а стало быть, и наследниками.

Однако тетина квартира не отходила им по воле этой самой тети, было давно ею объявлено, что тут ловушка и хотят ее убить и ограбить – а всего-то Верина мама один раз позвонила сестре, можно ли взять из родительского чулана старый оранжевый абажур, Вера как раз ехала с экскурсией в Питер.

– Дайте воды попить, а то ночевать негде, да? И не достанется вам ничего, не дождетесь, я уже квартиру отписала внучатому племяннику Сигизмунда, добрым людям, в отличие от некоторых, а Сигизмунд жив! – ответила сестре Валяшка и бросила трубку.

Валяшка – это было ее шутливое семейное прозвище.

А вообще-то тетю Валяшку звали Валеска Викентьевна, и она гордилась своим необычным именем.

У тети Валески, как она сама считала, и только у нее, были подлинные права на родительское имущество, а не у этой младшей сестры-выскочки-москвички (имелась в виду Лаура, мама Веры), это было объявлено сестре-москве по телефону, и именно Валеска, как выяснилось впоследствии, хоронила сначала бедного папу, все перенесла – и его алкоголизм, и старческую деменцию (все под себя и уже не поднимался), а потом проводила и героически курившую до конца дней маму, последний раз в постели в больнице ночью, отчего и сгорела.

Причем Валеска ни слова не сообщила в Москву об этих ужасных вещах в своей жизни, все трагически вынесла одна.

Мама Лора узнавала о событиях по телефону от ее соседки, своей подружки по детскому саду.

Та ничего не видела, похороны-то теперь происходят не по месту жительства, а по больницам, но как-то догадывалась, Валяшка плакала в голос. И потом все выложила как на духу, пришла занять яйцо у соседки, да за чашкой чая и засиделась. Чашку уронила, разбила. Дорогую, старую.

– Я вам подарю другую, тоже старинную. У нас там есть много, – пообещала мама Лора.

Соседка, видимо, не поверила – дверь для младшей сестры у старшей всегда была закрыта.

Даже в день похорон. И надеяться на какую-то мелочь типа старой чашки не приходилось.

Конечно, Лаура звонила сестре с соболезнованиями и участливо, как несчастной сироте.

Но сама эта Валеска тут же отвечала по телефону бодро и злобно, что эта соседка бредит, все придумывает, желаемое за действительное: «Вы так и мечтаете, да? Чтобы все перемерли, я в том числе? Москва, не суйся!»

А потом вообще перестала брать трубу.

Но соседке-то она призналась, что этим облегчила себе жизнь, и наследство сохранила, и не потратилась, и не должна была выносить еще и эту сестру-москву в соплях и в истерике,

и с претензиями на абажур, и ее престарелого четвертого по счету мужа, и эту их Веру пришей кобыле хвост неизвестно от кого. Нормальную ли? Можно было ожидать всякого, ведь от старика. От старика ли, ой ли? (Говорила Валяшка соседке, а та передала даже интонацию. Мир-то ведь это театр, и люди в нем актеры, тем более в рассказах о других.) Так сказать, приблудная сестренка Лорка и старалась эти дела (в кровати) каждый раз оформить в какой-никакой укороченный брак. И часто не получалося! И эта младшая сестра, Лаура как-звать-по-батюшке (говорила Валяшка), она именно что не любила свое отчество, это факт – то есть она предавала память папы, когда говорила «зовите меня просто Лора».

А сама была знаем кто, Вахтанговна, от второго, незаконного, мужа мамы, ее больного солдата в госпитале. Молодого. Однако же по паспорту эта Лорка Викентьевна была отцова, он хоть и не признал ребенка своим, но состоял в браке и по документам вынужден был числиться в графе «отец». Она оказалась, эта вторая его дочь, кто? Викентьевна и русская, но тогда откуда у ленинградки Лорки Викентьевны нос такой и глаза такие. Мама грешна была, это точно, все врачи одинаковы по месту работы.

Но у мамы, объясняла Валеска, были мечты о первой родине предков, об Италии, отсюда это небывалое имя Валеска. Все удивляются до сих пор. Говорят Валька, запинаются. Валька Викентьевна, видали? Да и Лаура появилась, младшая, из той же оперы. Никто не называет, говорят сокращенно, Лора Викентьевна. А она-то по-настоящему Вахтанговна.

«Эта моя неродная Лорка, – говорила Валяшка соседке, а та, впоследствии, пересказывала это по телефону и самой Лоре со смехом и в лицах, – эта Лорка, уже много лет пребывая в Москве и четвертый плюс еще десять раз выходя замуж, она напрасно писала сюда, что хотела бы присвоить из чулана тот, писала, помнишь, давно сломанный оранжевый абажур, шелк уже, наверно, посекся, хотя каркас можно было бы починить и заново обтянуть, если все-таки основа наверняка сохранилась. Ишь заботливая».

«Как Валяша к старости опростилась, – сказала Лора дочери в результате этих переговоров, – уже полностью перешла на отцов словарь».

А Вера знала, что ее уже немолодая мама, Лаура, как раз на тот момент, когда писалось то письмо к сестре с просьбой об абажуре (эти мечты, серебряный век, модерн, металлические лилии и лианы), обставляла первую в жизни собственную квартиру, купленную мужем, хотя и однокомнатную, однако же свою, и все ушло на хороший ремонт.

Но «ваша афера с моим антикваріатом не вышла», как ответила ей в письменном виде неприступная Валяшка.

«Забудьте мой адрес навсегда, – так торжественно заканчивалось письмо. Кстати, последнее. – Ты мне неродная и никто, это была измена матери моему папе».

А мама Лора после этого письма расстроилась и рассказала Вере историю о еще одной, первой, измене, о незаконном папином ребенке. То есть Вере он приходился бы дедушкой.

Папа вообще был тогда недоволен поведением жены. А дело происходило в середине тридцатых годов двадцатого века. «Гордися, коли никуда не годисся», приводил народное изречение отец, недовольный итальянским именем дочери. Валеска – это как?

Отец Лоры сам был рабфаковец, а мама Лоры скрывала происхождение, но иногда проговаривалась о предках – итальянские архитекторы там были, графы?

«Да подсобники и каменщики, а не архитекторы, – отвечал деревенский папа. – Вместе с Росси они заявились, он их взял в Россию, тут не было таких подсобников и каменщиков, приехали в эти гнилые болота. Как я».

Что-то маме Оле грезилось, военврачу, какое-то будущее дочери Валески, итальянские сюжеты, она вечно читала в выходные то Боккаччо, то Данте в оригинале, разумеется, с папиросой в зубах, прихлебывая разведенный больничный спирт с брусничным вареньем. Это уже были сведения от Валески, которая в те поры, пребывая в подростковом периоде, находилась с матерью в натянутых отношениях.

Там так эти книги, начиная с Данте, в квартире в шкафу и должны стоять, в кожаных переплетах, объясняла дочери Лаура.

Это была их вечная тема – Ленинград и родная квартира, гнездо, из которого мама Лора выпорхнула так рано.

А Валеска выражалась в те времена по-отцовски. «Читали читаки, писали собаки». Каковой словесный оборот и сохранился в семейной саге, как ее передавала Верочке ее мама Лаура. Вместо того чтобы полы мести и в корыте стирать, читали читаки, обычно говаривал папа Витя.

Но для этого, для помела и корыта, у них была домработница, скобская, с деревни, Маня, с которой папа и сошелся в разговорах, нашел с ней какой-то общий знакомый полустанок на железной дороге, поселок далекий с родным именем, и рад был хоть с человеком поговорить и все такое, пока мама отрабатывала ночные дежурства.

Была и история появления Мани у них в квартире.

Вдруг мама Оля наладилась ездить на дачу с ночевой, как выражался папа. В ответ на вопросы папы она цитировала Пушкина. Это сохранилось в семейной саге, там, говорила, я люблю звезды, воздух, листопад.

Папа, конечно, подозревал всякое. Были скандалы.

Он говорил: «Интересно девки пляшут», подразумевая подвох и измены.

«Уж роща отряхает последние листы с нагих своих ветвей», – смеялась мама Оля над папой. Семью она просто забросила. Валеска должна была после школы еще и сама продукты отоваривать, в ванной дровами колонку топить, чтобы отец мог после работы помыться. Ему и сготовить надо было, если у матери были сутки дежурства, и он орал, а Валеска была аристократка, она всегда такими вещами манкировала. Не для того она росла.

Наконец, говорит семейная легенда, через месяц ревнивый папа Витя не выдержал и поехал тоже на дачу. Папа был суровый военврач, хирург, внешность имел как все народные маршалы, нос картошкой, усы как у Ворошилова (как у Гитлера, сказала как-то мама Оля, как раз у СССР с ним была дружба, и мальчиков даже называли Адольфами). Отец прибыл на дачу прямо из своего госпиталя, видимо, в мрачном расположении духа, боясь увидеть какого-нибудь соперника помоложе, и нашел в избушке чудище костлявое, лысое, и вдобавок, как огородное пугало, одетое в большую рубаху. Чудище спряталось за печкой, на койке, и там зарылось в одеяло, как потом живо повествовала, хохоча, мама Оля. Мама выскочила на шум и сказала папе, что это найденыш. И вообще она нашла девку не в Ленинграде, а взяла Маню на станции, когда собиралась с грибами ехать домой. Мама Оля рассказала, что ждала поезда на лавочке, а девочка помирала под лавкой, ну и послышался стон. Такой, из последних. Врачи его знают. Хорошо, у мамы был выходной. Под мышки ее мама вытащила, девка ничего не весила, у нее и в руках ничего не было, видно, пешком шла – и куда, в город за сотню верст, туда шли все голодающие. Сесть в поезд мама с ней не решилась, Манька была такая вшивая, что у нее даже на бровях шевелились. Это бывает с умирающими, мама знала по фронту. Мама рассказывала, что девчонку отволокла, почти что отнесла почти что труп на дачу, положила Маньку в бане, девку побрила, даже брови. Напоила горячим чаем с сахаром. Мама Оля – она же была врач – всего понавидалась (потом только рассказывала все это, в старости, раньше не решалась. Мало ли кто настучит, напишет. Свои-то тоже возьмут и растреплют, а там новость пошла по людям, а уж сексот найдется, в органы донесет).

Мама Оля натопила баню, вымыла, одела этот скелет в свою рубашку ночную старую. Сварила жидкой овсянки, дала пить отвар. И это стал ее секрет, что у них в бане живет кулацкое отродье (иначе их не называли). Оттуда они с папой вдвоем и привезли домработницу домой, опасаясь, что деревенские соседки уже заходили, глазами шнырили, жди доносов.

Выбирались уже впотьмах, отец нашел на окраине Ленинграда чужой грузовик. Приехал на нем, велел въезжать во двор. Ворота запахнул.

Якобы грузили вещи, соседи-то в окна поглядывали, когда все происходило, занавески трепыхалися.

Но доехали только до города, там уже распрощались. Ну прямо как подпольщики.

Дальше папа нашел другой грузовик.

И папа эту девку-найденыша, заботливо причем, уже в Ленинграде по лестнице чуть не на руках нес за подмышки. Манька-то скобская была. И папа тоже скобарь! Нашел родную душу, девчонка бритая. Так брили детей в деревнях из-за вшей, и так они и бегали.

Но Валяшка эту Маньку не полюбила. Потому что, она считала, что зачем ее привезли мать с отцом. Причину многих бед потом, как и оказалось. И почему Маньку положили спать не в коридоре у входной двери, где все домработницы ночевали до того, а отдельно, в кладовке, все там мама сгребла, повыкидывала, помыла.

Потом Валяшка поняла – в дверь мало ли кто позвонит, войдет, а тут эта, и кто она.

Домработница потом отцу, единственному человеку, созналась, что их раскулачили. Это был большой ее секрет, за такие вещи и рассказы ее могли и отправить следом за всей родней на север.

Отец подбавил: «В Котлас, знаем».

Манька сказала, что всех увезли на телегах ночью, ничего не дали с собой взять. Младшие дети очень плакали, кричали.

А Маню мать толкнула в подпол, крышка была откинута после обыска. Забирали мешки с картошкой и корзины со свеклой и морковкой. И бочку соленой капусты оттащили наверх всем отрядом. На ходу чавкая, а капуста свисала из пастей, как усы. Все облились, капусту потом Манька ночью собирала по полу, голодная.

Манька все это время сидела в подполье, зарывшись в песок, а через ночь выбралась и побежала. Кулацкое отродье их называли. Было ей пятнадцать лет. А в шестнадцать она уже забеременела.

Отец, как у нее начал расти живот, в результате каждый день являлся домой пьяный, ни с кем не разговаривал. Мама переживала за Маньку. И однажды девка исчезла из дома. И с ней исчез Валескин паспорт. Мать металась, хлопотала.

Мама Оля много лет спустя рассказывала дочери Лауре, что сама принимала роды у Мани, опять-таки в бане на даче, до больницы не успели добраться. А куда ребенка дели, спрашивала дотошная Лаура, а мама Оля отвечала, что сама ребенка принесла на станцию в корзине, закутанного в простыню и ватное одеяло, причем по-умному, рано утром, еще темно было, пусто, еще до прихода рабочего поезда, поставила корзину на скамейку и ушла в лес неподалеку. И как бы потом пришла на этот поезд, но корзины не заметила. Одна баба заметила, так воровато пошевырялась (папино словечко) в находке и сразу заорала, и ребенок запищал. И тут мама Оля тоже подошла как бы на крики. И они с той бабой взяли корзину и поехали с ней на рабочем поезде до первого по дороге отделения транспортной милиции, проводник подсказал. Там эта баба испугалась и ушла, и записали маму Олю, все данные паспорта и адрес (а мама Оля потом созналась, что пьяному милиционеру подсунула паспорт Валески, все данные были оттуда, а этот паспорт потом она отдала Мане, чтобы та, как оправится, устроилась бы санитаркой в сельскую больницу, мама Оля там договорилась с главврачом, своим однокурсником).

Записали ее, и мама Оля дождалась, пока не приедет «Скорая» за младенцем.

Увезли мальчишку. Все чин чинарем.

А папа Витя искал своего ребенка и Маню в Ленинграде, по роддомам.

Дело еще было и в том, что новоявленный отец не знал фамилии домработницы, Маня и Маня. Спрашивал, родила зовут Маня. Кто ему ответил бы на этот бред.

И Лаура все это рассказала Верочке-дочке.

Этот отцовский, во грехе рожденный, где-то живущий (может быть) ныне сын был старше Лауры, да и Лаура еще вопрос, чья была.

Это уже Валеска развивала излюбленную тему, отвечая маме Лоре. Валеска прямо сказала ей, не звони сюда, ты не наша, папа сказал. Намекнул на это откровенно. Что Лаура эта была дочь какого-то больного в мамином отделении, по имени Вахтанг. Это произошло через много лет после Маньки. Отец признался.

Врачихи-то на ночных дежурствах спят? Спят в ординаторской. Кого хошь приводи, что хошь делай. Отец так выразился.

Этот Вахтанг, больной якобы, рядовой, так и ходил, так и ходил вокруг ординаторской, все заглядывал. Пневмония якобы. Ну и поползли слухи, санитарки же всегда в курсе, а у них Викентий Иваныч был начальник и герой.

Лаура и родилась у мамы Оли чернавкой. И папа, и мама белесые, а эта как головешка. И мама в оправдание все повторяла, что ребенок вся пошла в предков. Наконец сказалось наследие итальянских архитекторов, помощников Росси, говорила мама Оля.

«И больше сюда не звони, ты приблудная, не наша, позоришь нашу честную фамилию», – завершала все телефонные разговоры Валеска.

А у Мани что была за фамилия, никто не знал.

Папа, кстати, как с ума сошел в эти дни, все звонил пьяный по родильным домам, читал списки, вывешенные там, где принимают передачи для рожениц, кричал под окнами.

Тосковал, убивался.

Сын ведь (мама Оля случайно, не беря во внимание своего мужа, проговорилась).

Что касается Валескиных чувств, то ненависть к младшим широко распространена у старших детей, говаривала мама Лора, и это сопровождало жизнь Вериной мамы от колыбели. Валяшка просто сошла с ума, когда родилась младшая сестра, причем папа все как герой вытерпел, не ушел, а куда ему были идти.

Но мама Оля, уже ей было за сорок после войны-то, ей было не до выяснения отношений с младенцем на руках, когда никто не помогает, мама отнеслась ко всему этому просто, сказала по знакомым, что Валеска просто любит полежать, отсюда возникло и это прозвище, Валяшка.

Хотя потом Валяшке редко удавалось лежать. Оставшись без образования, она проработала всю жизнь на оборонном заводе, замуж в юности вышла, но ее Сигизмунд погиб, где, как, об этом родня не должна была знать. Родители поговаривали, что он как-то умудрился, подавал прошения и все-таки ушел с войском польским и больше не вернулся.

Валяшка хранила ему верность всю свою жизнь, почти шестьдесят лет ждала.

И никогда Вера, наезжая в Питер, не бывала принята тетей, даже в гости.

В результате Вериной маме позвонила соседка Валяшки, что ее сестра скончалась, упала хорошо что у своего подъезда и с паспортом, паспорт был в мешочке на шее, похоронена за государственный счет, квартира отходит городу, но родственникам можно приехать выбрать что осталось из имущества. Ключей при покойнице не было, так что вот. Кто-то успел взять сумку. Запишите телефон.

То есть все обокрадено, ключи ясно, что у паспортистки, это они все оформляют в свою пользу типа наследство, у них черные нотариусы, резюмировала образованная на дворовый лад мама и велела Вере поехать хоть что-то спасти.

Был составлен план взятия крепости:

– Иди не через парадное, а со двора, черный ход, на шестой этаж пешком, дверь деревянная старинная в правом углу, правая дверь, в ней встроенное деревянное окошечко, васисдас для продавцов («И немец-булочник не раз уж отворял свой васисдас», помнишь, у Пушкина), он запирался со стороны квартиры, дальше: там на двери сверху ключ должен лежать испокон веку на притолоке, в середине есть выемка. Туда никто не дотянется, найди

во дворе три кирпича или крепкий ящик. Ты здоровенная девка, и на гимнастику зачем я тебя водила, достанешь рукой, сообразишь.

Все питерское у мамы начисто выветрилось, когда она поступила в Москве в «Керосинку», в институт нефти и газа, и мальчики привели красотку в свою команду КВН украшать сцену. Гитара, костры, тайга, первый муж неверный – красавец бородач геолог, все дела. Второй муж – актер, выпивоха, шутник, автор пятисот песен и заслуженный отец. Родная жена его била, деньги отбирала, а сама на простую бутылку не давала, он потому и ушел, обиделся, жил с Вериной мамой на съемной квартире, плакал, все говорил о рельсах – его туда, видимо, тянуло. «Зов рельс, уже кому-то в рейс», – он пел под гитару. Его и нашли с пустой головой у железнодорожных путей…

Третий муж, о нем и воспоминаний никаких не осталось – кроме того что у него была еще одна, перед мамой, но вторая по счету, жена в Орле (как он саркастически говорил, не «она с Орла», а «она с рала»).

И только четвертый муж мамы, Верин папа, был настоящий, профессор, завкафедрой. Все имущество оставил той больной жене, детям и троим внукам.

Снял себе и Лауре жилье – а как же. Тут и родилась Верочка на съемной квартире в полторы комнатки в Зюзино.

Сейчас, правда, они с матерью обитали в собственном однокомнатном жилье с большой кухней и лоджией, хоть и в дальнем микрорайоне, но метро, магазины и поликлиника рядом, а когда переезжали туда родители с младенцем на руках и без мебели, в округе не имелось ни метро, ни телефона, ни ясель для Верочки, и всюду были только глиняные поля и котлованы.

Но все-таки что-то отец оставил малолетней любимой дочери, какую-то утаенную от старой семьи ценность – потом, после похорон, на которые никто из прежних потомков профессора не явился и не дал ни копеечки, его какой-то, видимо, сын, немолодой причем, все звонил спрашивал о кольце прадеда, не вы украли? С бриллиантом? Не ты украла, потаскуха? (В оригинале другой вариант.) Это мамино было, не его, потаскуха (еще много раз тот же вариант).

«Пролитое молоко», – флегматично отвечала мама, положив трубку.

И не бриллиант, а изумруд вроде был. Что-то зеленое. Кольцо декабриста. Наследие его прадедушки. Охотились за ним коллекционеры. Да. На это и была куплена квартирка.

Но отец успел все сделать, прежде, чем его вытащили умирающего из-под автобуса (мама после рождения Веры называла мужа «отец», он ее «мамочка», об этом было рассказано дочке много лет спустя, в слезах).

Отец попал под автобус или ему в этом помогли, так и не выяснилось.

Но именно он настоял, чтобы слабенькую Веру, дочь пожилых родителей, отдали в три годика на спортивную гимнастику, был такой кружок для малышей. «Мало ли», – сказал отец и замолчал. Потом добавил: «Хоть тренером будет». Пришлось Лауре-маме возить дочь. В результате Верочка легко забиралась в ванную по дверным притолокам наверх и там торчала, упершись ногой в распахнутую дверь, башкой в потолок, и так пряталась, родителям не приходило в голову посмотреть в потолок. И бегала она отчаянно, стрекотала ножками как заяц. На гимнастике, правда, на это внимания не обращали, зато в школе и в университете тренеры зазывали ее в секцию, суля сразу первый разряд.

Но материнский опыт многих замужеств она не переняла, гадалки бы сказали «венец безбрачия», однако же на самом деле печальный опыт уже имелся, пришла любовь, это был нежный и внимательный, ни на что не посягающий мальчик, психолог после аспирантуры, временно безработный, сам из Питера, маме поэтому нравился, снимал комнату на станции Апрелевка, до свадьбы ни-ни, – и он признавался Вериной маме, что уже год не знал женщины, о как! И признавался, что особенно любит в Верочке доброту, что она не требует

денег, не гребет их, как его первая жена-гуслярша (в оркестре народных инструментов гусли всегда стоят впереди, девушки, видимо, были в сарафанах, кокошниках и развеселые красавицы, и аспирант не устоял).

У этого будущего, безработного пока, психолога – с дипломом университета, незавершенной аспирантурой и легким заиканием – имелась одна страсть, дорогие машины. У его какого-то школьного друга, тоже выходца из Питера, богатого предпринимателя, была «Инфинити», невосстановимый двигатель после аварии, и жених Веры выпросил ее в свою Апрелевку. С документами причем. Возился с ней, это у него была такая игра. Что он на ней ездит. Мечтал ее починить. Он и Веру научил как бы ею управлять, с горящими глазами.

Однажды они ужинали с тем его богатым одноклассником и потом ехали на его рабочем «Инфинити» по Москве. Жених похвастал, что Вера умеет водить эту машину.

Он вообще всячески хвастал Верой перед другом, и не без успеха, – тот потом начал ей названивать, хотел ее взять с собой в деловую поездку в Нью-Йорк и далее по стране. Такой вариант фильма «Красотка» с новой Джулией Робертс.

Ничего у него не вышло, она была верна своему нищему психологу. А вот тогда, после ресторана, Вера действительно легко справилась с вождением, пять минут вела этот троллейбус (так его называл тот друг психолога, богатый, с долей усталости, так как по Москве на таком транспорте было ездить трудновато, особенно в переулках в центре, где были его офисы).

В результате нищий муж оказался вздорным, легким на вопли, никому не нужным, кроме своих мамы с папой (звонки от каждого из них ежедневно, от папы не раз), прилипчив к копейкам, к тому же он был жаден на бесплатную выпивку (сразу, махом, три бокала, спеша, если на чужой свадьбе или в гостях. И готовченко, как выражалась мама Лора, когда дочь приводила мужа домой).

А Верочка была хороша, итальянка-итальянка, как говорила мама, любуясь ею, хотя и со светлыми кудрями. По внешнему виду она смахивала на худого, прекрасного мальчика, как раз по моде. Но имелись и недостатки, Вера знала. Грудь так себе. И голос хрипловатый. И рост метр восемьдесят без малого. Муж был метр семьдесят два и остался со своими сантиметрами очень скоро в прошлом.

Что касаемо питерской тетки, то по переговорам с той самой, сохранившейся там подругой матери по детскому саду (Валяшкиной соседкой) выходило, что сестра пала жертвой какого-то немолодого Раскольникова, который помог ей подняться, после того как она поскользнулась в Летнем саду, в любимом месте прогулок, и домой проводил хромающую, и привел в квартиру, и был приглашен выпить чаю, и в разговоре взялся помогать ей распродавать семейную библиотеку, а то ли еще и мебель ненужную, старую, павловский ампир, не сгоревший в блокаду: потому что все жильцы работали и обитали в госпитале и на военном заводе (сама Валеска), и нужды отапливать квартиру книгами и шкафами в те лютые зимы не было. Мебель эта ныне находилась в состоянии заброшенности, разумеется, однако пребывала пока на своих ногах, иначе кто купит. Дуб! Это же сотни лет.

Но то ли Валяшка заподозрила в чем-то своего этого, что он Раскольников, как предрекали подруги, то ли он ее действительно в чем-то обманул, неизвестно. В какой-то мелочи типа не отдал сдачу. Или мамой назвал, как промелькнуло однажды у Валяшки в разговоре с соседкой. Какая я ему мама.

Вообще эти привязанности в таком возрасте гибельны. Так сказала пожилой Лауре умная Валяшкина соседка.

Однако же, во всяком случае, смерть эта обошлась без топора.

Любые ступени к дверям, к парадному, – это зимой эшафот. Образуются наледи. Так же гибельны и поребрики. Прохожие, как саперы, ошибаются в гололед только раз.

И Вере приходилось ехать в Петербург.

Она взяла с собой старый рюкзак, в него затолкала летний спальный мешок времен молодости своей мамы-походницы и пакет со сменкой белья. Надела старую курточку, такой же свитерок и поношенные джинсы. Копаться-то придется в древних отложениях.

Но ей очень не нравилась эта затея, тайно забираться в заброшенную, уже наверняка ограбленную, квартиру, искать что-то в старых валенках среди стай моли, а мама все твердила, что их семейные драгоценности были спрятаны прабабушкой сразу после НЭПа, когда всех богачей и ученых, инженеров, художников, да кого угодно из непростых, социально чуждых, трясли, по домам ходили чуть ли не с пулеметами. Это соседи и родственнички доносили. Те же самые, кто доносил потом в 37-м году. Соседи, родня и сослуживцы, враги человека. Те старые знакомые, составлявшие списки, кто в Польше отправил на тот свет миллионы евреев. Кто стучал в Берлине 30-х гг. и в Париже 40-х. И по России с 20-х годов и по сю пору…

Это была тема последней книги Вериного отца. Мама считала, что папу убили по наводке органов. Толкнули под автобус. Вера тоже была историк (в заочной аспирантуре) и находилась накануне представления на кафедру материалов по кандидатской диссертации. Это были материалы ее отца, оставшиеся после его смерти. Они стучали в сердце Веры. Как пепел сожженного живьем Клааса стучал в сердце его осиротевшего сына Тиля Уленшпигеля (любимая книга Веры-подростка). Отца живьем толкнули под автобус.

Отец собрал материал для книги в тот короткий период, когда были открыты архивы КГБ. Снял копии судебных дел. Никому не нужная и даже опасная для кого-то тема, история репрессий тридцатых годов по личным делам. Те личные дела арестованных, где были пришпилены доносы с подписями авторов и их адресами.

Теперь же в государственных архивах все уже закрыто, тема чувствительная, все запрещено к получению на руки, и больше истории доносов, арестов и расстрелов не напишешь, поскольку по решению сверху нельзя стало нарушать права потомков палачей на секретность.

Но права погибших в ГУЛАГе и их родственников нарушать можно.

А доносчики были палачами, что тут скрывать.

И потом, пепел, который стучал в сердце Веры и ее отца, потомка казненных Советской властью, был не нашим пеплом.

Пепел после казней имелся в Средневековье в результате сгорания костров и людей, привязанных к столбу.

Тогда он и мог стучать сыну сожженного в самое сердце.

Правда, у гитлеровцев пепел тоже был, но не после каждого сожженного, а групповой, массовый, в лагерных крематориях.

Он стучит в сердце всему человечеству, но когда ужас один на всех, групповой, массовый, то он как-то остается не твоим личным, не собственным горем.

Мало ли, Кампучия. Там даже вырезали печень у мертвецов, чтоб не пропадала, и ели.

Мало ли в Африке президент угощал этим же своих зарубежных гостей, говорят, и советских представителей, с кем его страна завязала сердечную дружбу. После него в дворцовом личном холодильнике нашли человеческое мясо.

И у нас, да, почти 20 миллионов погибло в лагерях.

Да и у нас какой пепел мог стучаться в сердце, какой мог быть пепел в ГУЛАГе у Полярного круга. Дрова-то изводить, печь топить на вечной мерзлоте!

Казнили доходяг, не годных к работе на рудниках, просто и тоже в коллективе – подсаживали тридцать человек по норме в открытый грузовик и при температуре воздуха −45 °С везли до соседей и обратно. И складировали до весны с бирками на ступнях, по причине вечной мерзлоты не имея возможности вырыть братские рвы.

Итак, Вера, защитник прав врагов народа, заказала такси в аэропорт на пять утра, чтобы не сидеть в пробках и не платить таксисту лишнего. Денег в семье было мало. Вера еще, кроме школы для отстающих детей, преподавала за три копейки английский в детском образовательном центре, у нее имелась своя методика «изи инглиш», она ставила с детьми спектакли на этом инглише, родители были в восторге, дарили ей сообща, собравши денежки, мимозу на 8 Марта и конфеты на Новый год. Неимущие родители, озабоченные будущим своих детей. Родные люди, родные ребятишки, легко болтающие целыми фразами из своих ролей.

Когда Вера выехала из дому в аэропорт, едва светало.

Но, пока выбрались из Москвы, совсем развиднелось.

И наша пассажирка, сидя сзади (так научил семью отец, садитесь на заднее сиденье, менее опасно), увидела впереди красную машину, стоящую несколько боком, и рядом с ней блондинку из рекламного ролика – в высоких алых сапожках, в дубленке с укороченными рукавами, в длинных красных перчатках и с растрепанными кудрями.

Замахавши всеми конечностями, блондинка выскочила на дорогу наперерез такси.

Водитель матюкнулся и тормознул.

Блондинка стояла посреди шоссе, покачиваясь на высоких каблуках, и Верин водила вынужден был выйти для переговоров.

После чего он вытащил из красной машины огромный лакированный розовый чемодан, загрузил его в свой багажник, девушка села впереди, и Верино такси тронулось.

Никто ее, кстати, ни о чем не спросил.

И очень скоро на шоссе перед ними выскочил мотоцикл.

– О, донор, – заметил таксист. – Сейчас стукнется.

И действительно, мотоциклист стукнул по дверце такси неизвестно откуда появившейся тяжелой палицей.

– Че ты битой-то, – заорал таксист и выругался, притормозив и готовясь выйти. – У меня в багажнике такая же лежит.

Однако треснуло боковое стекло. Таксист рванул вперед. Лопнуло и переднее стекло, посыпались осколки.

Таксист сильно мотнул рулем влево, потом вправо, стукнул «донора», свалил его, такси тяжело подпрыгнуло на чем-то, потом грубо развернулось. Вера упала на пол и изо всех сил рванула ручку двери.

На полном ходу она вывалилась в кювет, на кучу снега, обхватив голову руками. И это спасло ей жизнь. Потому что тут же раздался грохот мощного удара, резкий визг и скрежет. Вера вскочила и побежала, хромая, подальше в кусты, где и свалилась в мокрый снег, приняв позу эмбриона.

Такси врезалось в дерево на обочине. Водитель и девушка в дубленке оказались зажатыми в груде осколков стекла и перекореженного металла. Вера поднялась, стала кричать: «Помогите!», подбежала к машине, попыталась открыть переднюю дверцу, выручить беднягу в дубленке, но безрезультатно. Девушка, голова которой была пробита куском железа и залита кровью, уже не дышала.

Таксиста вообще было почти не видно, в прямом смысле слова крыша съехала и его накрыла.

Первый раз в жизни Вера видела такое, она вся тряслась, куртка на боку была содрана вместе с куском свитера, под майку, на разбитый бок, задувал сильный ветер, падал снег. Тошнило, голова кружилась, конечности дрожали.

Из-под разбитого капота машины стал подыматься дымок.

«Взорвется», – подумала очумевшая Вера.

Она отскочила, кинулась назад.

Вернулась. А рюкзак?

Попытка вытащить его из полуоткрытого, согнутого посредине багажника не удалась. Он еще и был накрыт чемоданом той несчастной девушки.

Но рывки и тряска привели к тому, что этот розовый чемоданище почти выпал на дорогу. Вера схватила его за ручку и вытянула, чтобы добыть рюкзак, однако из капота вырвался язык пламени, и Вера, почему-то схвативши ручку чемодана, даже не понявши почему, побежала что есть духу назад по шоссе, а за ней грохотал почти пустой чемодан.

Она, спасаясь, свернула в лес, совершенно автоматически. И правильно сделала – минут через пять раздался чудовищный взрыв.

В это время Вера ковыляла по лесу, стремясь уйти как можно дальше, и тут ее оглушило, и она опять упала.

Полетели какие-то железки, завоняло жирной гарью. Снега было мало, ничего не замерзло, и приземление пришлось в лужу.

Тут Вера очнулась окончательно. Мокрая, оборванная, с больным боком – и поняла наконец, что все пропало. До аэропорта не доехать – кто ее в таком виде посадит в машину? Денег вообще в обрез, спасибо, что хоть сумочка на боку не пострадала.

Придется вызывать маму с такси и сменой одежды… А какой километр?

Непонятно.

Поднялась еле-еле, идти было можно, но кочки и буераки не давали тащить чемодан. Ребра, ноги и руки саднило, Вера все-таки упала как следует.

Мокрая, грязная куртка оказалась разодрана полностью, висела передняя половина с закрытой молнией, и болталась отдельно спина. Джинсы расползлись на коленях и выше в клочья. Еще и шапка слетела в момент падения из машины, о ней Вера вспомнила только сейчас, потому что на голове таял снег.

Вера села на пенек и, вся дрожа, пыталась понять, что произошло.

На такси было совершено нападение, это понятно.

Но какому сумасшедшему мотоциклисту могло это прийти в голову?

А вдруг охотились не на такси, а на меня?

Она замотала головой от такого предположения.

Потомки тех, кто состоял в папиных данных? Ужас-ужас.

«А отец ведь недаром погиб», – правильно говорила мама.

Возможно, они следили за судьбой его работы, знали, что я ее продолжаю?

Охотились за мной? И приняли ту девушку впереди за меня? Это ведь я заказывала такси, а прослушать мой телефон ИМ очень просто.

Не понимают они, что ли, что я обо всем давно позаботилась, и все данные при моем исчезновении Дима и Саша сразу пустят в Интернет. Надо позвонить одному из них и сказать: «Мамочка, не беспокойся и не волнуйся, точка».

Или они преследовали именно ту девушку? Слишком уж она была роскошна для раннего времени суток, у красного сверкающего автомобиля, да еще с этим розовым чемоданом. И совершенно одна. Такие ведь не ездят без присмотра.

Обокрала кого-то?

Вера невольно спасла этот чужой чемодан, но отдавать теперь его некому.

А вдруг там ворованное?

Да ведь он уже бесхозное имущество, никому не принадлежит. Все в нем ничье, все можно с ним делать.

Но, как писал один христианский мудрец, все нам доступно, но не все нам полезно, вспомнила вдруг Вера.

Однако выхода не было. Надо посмотреть, что в чемодане, хоть завернуться во что-то. Выйти на дорогу.

Слава богу, в сумке билет, паспорт и деньги. Спасибо, ремешок был перекинут через голову (так учил отец).

Сидя на косом пеньке, Вера попыталась открыть это розовое сокровище. Да оно и само уже зияло дырой в молнии.

А молния-то была на замочке, совершенно теперь бесполезном.

После нескольких попыток Вера наполовину оттянула крышку. Стала доставать оттуда сверкающие новые пакеты.

Вся при этом дрожа от холода.

Может быть, хоть что-то будет впору, нельзя появляться в аэропорту в таком состоянии, все сразу поймут, что произошла катастрофа. Начнутся вопросы, вмешается полиция. Вызовут «Скорую».

А добираться придется. И именно сейчас.

До самолета два часа.

Но все таксисты на трассе будут уже в курсе, о событии скоро сообщат по радио. Доложат в полицию, это понятно. Это их долг на дорогах.

Завоют сирены, прикатят скорые и ментовские машины.

Та-ак. Приехали.

Вдруг Вера поняла, что она единственный свидетель этой страшной охоты и последовавшей за ней смерти трех людей.

Единственный свидетель преступления.

И прости-прощай, билет на самолет, тетина квартира с черным ходом и поиски сокровищ в валенках. Отвезут на допрос.

К тому же пришлось совершенно автоматически присвоить чужой чемодан.

«Но это же воровство, – скажут. – Похищение чужого багажа».

«Но свой-то рюкзак сгорел. – Такое оправдание. – Вся одежда порвалась».

«Это мародерство как на поле боя, – скажут, – воровство у мертвых, когда снимают с погибших все целенькое».

Вера, Вера, куда ты влипла.

Но! Выходить на дорогу практически без штанов и с половиной куртки впереди, а сзади болтаются лоскутья – это значит привлечь внимание. Вопросы. И припишут участие в преступлении. Уже будет не сочувствие, не восклицания мимопроезжих зевак, а допрос в полиции.

Значит, надо как можно скорее посмотреть, что там есть у той покойницы с расколотой напополам головой (бррр) и переодеться, если будет во что в том чемодане. Девушка вроде была моего размера, хотя пониже.

И надо избавиться от этой розовой улики и выйти с протянутой рукой на шоссе, причем не доходя до места катастрофы.

Причина – допустим, поссорилась с водителем, он запросил больше, чем договаривались. Не согласилась. Так. Он высадил меня и уехал обратно с моим рюкзаком. Не запомнила номера. Ведь он меня просто вышвырнул. Скотина, ворюга. Бывают же такие. Упала на дорогу, хорошо не на ходу, а стоя. Хорошо, что я оперлась на руку. На обе руки. Не попачкала одежду.

Поразмыслив, стала с большими надеждами и даже с волнением (даровое же и дорогое, наверно!) вытягивать из-под расползшейся молнии пакеты.

В первом попавшемся, маленьком и тяжеленьком черном пакете, тусклом и дешевом, были какие-то мутные стекляшки, видно, что-то разбилось старинное. Люстра?

И зачем такое хранить.

Бросила пакетик под ноги.

И вдруг вдали, на дороге, опять затрещал мотоцикл, проехал, следом прошла машина.

Вера вскочила и помчалась, держа полураскрытый чемоданище в руках. Хорошо хоть, он был не слишком тяжелый.

Остановилась через несколько минут, уже не в силах отдышаться.

Все тело саднило, сбоку была как открытая рана. Острая боль.

Мотоцикл замолк. Машина тоже. Забубнили крикливые голоса. Отсюда не было слышно, что они говорили.

Вера остановилась за кустом и вывалила, загребая ладонями, все содержимое чемодана на снег.

Блестящие пакеты. Такие дают в дорогих бутиках, наверно.

Стала разбирать, что там, в этом лакированном багаже. Так. Меховая куртка. Пушистая. Типа белая лиса. Цена – Вера мысленно ахнула.

Натянула.

Но мала!

Ах ты, какая неудача. Что теперь делать.

Ой, да ведь Вера забыла, что на ней все еще надета старая куртка и разодранный на боку свитер. И сумочка через плечо!

Отложила сумку, сбросила с себя эту грязную рвань, сунула в чемодан.

Посидела, вся дрожа, в одной майке.

Как-то боязно было надевать такую роскошь.

Вспомнила – там же, в той собственной рванине, остался телефон.

Покопалась в мокром тряпье, достала из старой куртки, из грязи, телефон, да еще и перчатки..

И надела это легковесное, но полезное сокровище. Теперь все было впору. Навесила сумочку, дешевое изделие поверх сокровища. Положила в нее телефон и перчатки. Жесткий, в несколько картонок, лейбл от куртки заправила за спину и внутрь.

И быстро согрелась.

Хотя каждое телодвижение доставалось с трудом.

Под этой белой лисой находилась ее собственная тоже якобы белая футболка с рукавами. Немного пробитая, с дырками сбоку. Слегка окровавленная.

Мама говорила, едешь копаться в пыли, надень старое! Нет, натянула недавно купленное. Если снаружи мы бомжи, то хоть белье должно быть идеально чистенькое! Правило молодой дамы.

Теперь эта футболка годится только на выкидание.

Дальше в пакете шли джинсы. Тоже новые, с лейблами и веревочками. Хоть отгрызай их.

Вспомнила про стекляшки в пакете, оглянулась, поискала его глазами – подумала, найдется край там острый, с его помощью можно будет перепилить шнурки.

Где этот черный пакет?

Бросила его у того пенька, а где тот пень?

Пошла по своим следам, по мокрой земле, по снегу.

Еще не все занесло снежком.

Хотя уже заносит.

Как ни странно, обнаружила и пенек, и особенно выделялся на снегу около пня черный пакет – плотный, крепкий пакет.

Как ни странно, у него уже был помойный, какой-то бомжовский вид.

Нападал снежок, потекли капли, пакет покоробился, расползся, днище выпятилось.

Верочка села на пень, стала шарить пальцами в пакете, разглядывать осколки.

Некоторые из них имели, если не учитывать каменистое обрамление, правильную форму кристалла.

Нашла среди осколков один, самый крупный, в виде огрызка толстого граненого на четыре плоскости карандаша с острым кончиком, как у фломастера. Каменистой породы на нем не было.

А, это горный хрусталь.

Потащилась с черным пакетом к чемодану, но стоять было тяжело, нашла еще один пень, смахнула с него снежок, уселась в своей рванине на него как голая в лужу, но что поделать – подпилила веревочку на лейбле джинсов, стащила с себя куртку, где вдоль спины висел на веревочке лейбл, тоже разобралась с ним с помощью хрусталика – и, пошарив в чемодане, добыла там последнюю из находок – полупрозрачную блузку с блестками. Ну и вкус у той девушки. У бедной девушки, которая так погибла.

Тоже перепилила шнурок.

Надела блузку поверх уже бесполезной футболки.

Все эти лейблы Вера зачем-то сложила в свою сумочку. Ну, чтобы было свидетельство, что они куплены. Мало ли, и нами. Не сворованы.

Все, теперь мы одеты.

Нам тепло.

Как ни странно, сквозь разодранные джинсы снег холодил и успокаивал ссадины.

Переодеваться в новые Вера не спешила.

Все ее действия были какие-то заторможенные.

Вместо того чтобы быстро действовать, она занялась черным пакетом из чистого любопытства.

Еще один красивый кристалл она вынула из пакета, рассмотрела и почему-то не захотела с ним расставаться, хотя у него на донышке оставался слегка припорошенный след каменистой породы. И прихватила еще третий, самый большой среди оставшихся, у него тоже был изъян, темное место внизу. Но он сверкал ярче других и имел какой-то голубой оттенок, очень нежный. Три кристаллика, мутных, но красивых тем больше, чем дольше на них смотришь.

И неизвестно зачем в почти пустой футляр от помады (почему-то этот футляр сохраняла, таскала с собой в сумочке на всякий случай, там сохранился еще остаток помады, комочек редчайшего цвета розовой фуксии, который очень шел Вере, если слегка мазнуть и распространить на губах и немножко на скулах – человек ведь привыкает к определенному виду косметики), так вот, в этот пистончик Вера засунула осколки люстры. Три кристаллика, мутных, но красивых. Которые, затолканные в футляр с остатком помады, мгновенно испачкались в цвет этой розовой фуксии, редкостно безобразный на тусклом хрустале. Они теперь стояли в футляре как три сальных обмылка от помады, лиловатые, облезлые, но еще пригодные. Вся помада ушла на покрытие кристаллов. Породнились.

Будет память об этом дне.

Память об этом жутком событии.

Неужели уже все кончилось и можно опять быть человеком?

И решила Вера: «Теперь у меня будет горный хрусталь, но какой благородный!»

А мало ли ерунды хранит человек на книжных полках, какие-то бусины, фигурки ерундовые, открытки с видами тех мест, которые чем-то помнились когда-то.

Наконец решилась и с трудом, крякая от боли, натянула на себя джинсы. Они оказались эластичные, так что все налезло. Были коротковаты, но мало ли, а вдруг это сейчас модно.

Теперь Вера стояла. В таких джинсах в снег не сядешь.

Взглянула на себя в зеркало пудреницы. Выглядишь как шахтер после взрыва. В сумке нашла пакетик салфеток.

Набрала снегу на салфетку, протерла лицо. Потом руки, такие же черные, особенно под ногтями.

Как это получилось, за одну секунду вид как у бомжихи, а ведь, упавши, сразу же и вскочила! Нет, не сразу. Непонятно сколько пролежала. Что ли, сознание потеряно было? Уже и не узнаешь…

Поискала, надломила над пеньком толстую ветку елки. Как ориентир. Нет! Эта ветка сразу повисла, оборвется. Сама оборвала ее, взяла из сумочки пакет салфеток, вынула салфетки, а пустой пакетик надела на острый конец еловой ветки. Задвинула подальше. Среди хвои он будет не так заметен. Но поблескивает.

Брать с собой черный пакет она не может, в сумочку он не влезет, а тащить его отдельно как-то неудобно. Полетела в Петербург с пакетом битого стекла.

Но почему-то она подумала, что надо спрятать, как-то закамуфлировать этот черный пакет с хрусталями.

«Мало ли, вдруг пригодится? Заказать браслет. На какие деньги-то», – обрезала себя нищая Вера.

Но все-таки поддела землю у пенька носком, она еще не замерзла, была мягкая, сучком от елки подкопала под пеньком ямку. Положила туда пакет. Завалила землей. Притопнула. Подумала. Нет, все равно видно.

Поблизости торчал наполовину ушедший в землю здоровый кусок какого-то старого кирпича. Кирпич в лесу – дело редкое, да. Откуда тут он? Кто его приволок? Зачем? Водрузила кирпич на едва присыпанный черный пакет. Он все придавил.

Оглянулась.

Это была полянка. Стояли три небольшие елочки в ряд, одного роста. Вера обломила у каждой верхушку. Три безверхие елки и пенек в центре.

Под ним полкирпича, выглядит как орудие убийства.

Теперь все ей казалось тут местом задуманных преступлений, весь лес.

В результате на снегу валялась куча мокрых, грязных лохмотьев. А рядом вынутые из пакета сапоги, очень длинные, черные лакированные, на высоком каблуке. Сняла кроссовки, попыталась надеть сапоги. А носки-то толстые. Сняла их. Но номер не прошел. Не налезло.

И правильно, сапоги эти явно от профессионалки, носить с мини-мини-юбчонкой и стоять на дороге.

Надела обратно свои мокрые носки и кроссовки.

Всю эту грязь и рвань – джинсы, куртку, свитер, как для издевки рассовала в сверкающие пакеты и засунула обратно в чемодан. Сапоги положила тоже в пакет и в чемодан, хотя и пожалела. Жаба придушила. Дорогие. Что им тут валяться. Таньке подойдут, подруга моя мелкая.

Как раз ей на Новый год. Хотя она такие не напялит. Куда их ей носить, она преподает латынь, кандидат наук.

Нет, эти сапоги не для нашего круга общения.

Сунула их в чемодан.

Вдали все еще орали на дороге.

Найдут огромный розовый чемодан – вот им будет повод для размышлений.

Блестящие пакеты, а в них окажется грязное, рваное бомжовское обмундирование и лакированные сапоги в дорогой сумке. Будут рассматривать дотошно. Сдадут на анализ. Неделями будут изучать. Счастливых предположений!

Зачем теперь ехать в Питер? Сокровища – вот они.

Вера, кроме того, была удивлена, как это покойница взяла с собой в дорогу такое барахло – ни пижамки, ни белья, ни домашней одежки и тапочек. И все новенькое, только купленное, с лейблами.

И тут раздался вой машины – полиция?

Вера вздрогнула, схватила чемодан за дужку и из последних сил забросила поближе к шоссе. Потом добежала до него и еще раз кинула его к дороге.

И рванула обратно, выбирая лужи. «В лужах следов не видать», – подумала она. Кроссовки честно держались на бегу.

Промчалась мимо пенька с кирпичом. Три безверхие елочки.

Остановилась передохнуть. Сильно билось сердце.

Сгребла с пенька верхний слой нападавшего снега. Сунула в пересохший рот. Вот не взяла с собой бутылочку воды. Всегда надо брать. Мало ли какие будут обстоятельства.

Стала собирать снежок с еловых лап. Пить хотелось страшно.

И вдруг она услышала, что по лесу издали идут люди, переругиваясь.

Подходят облавой.

Пришлось бежать. Огромными шагами и побыстрее.

О, завопили. Нашли чемодан. Сейчас остановятся и будут досматривать, что в нем.

Нет, голоса приближались.

Тогда Вера помчалась к Москве, параллельно шоссе, как она представляла себе свое место в лесу.

То, что она чемпион, было известно давно в школе и в институте. Она побеждала всех, и мальчишек из спортшколы тоже. Но отец не хотел отдавать ее во взрослый спорт. «Там серьезные допинги», – считал он. «Искалечат тебя. Не сможешь рожать», – считал он заранее.

Голоса остались позади.

Вера увидела сквозь заросли пустое шоссе, остановилась, отряхнулась. Сняла с волос резинку, распустила их, взбила свои светлые кудряшки. Посмотрела в зеркальце. Все равно вид потасканный, какой-то чумной. Ямы под глазами, морщинки у рта.

Господи, и все это только что произошло со мной.

На шоссе (подумала она) вышла молодящаяся, косящая под подростка, ненакрашенная дама тридцати лет, и именно что в мокрых кроссовках.

Столичные интеллигентки все ходят ненакрашенные, лохматые и в кроссовках, только дурочки из Среднежопинска приезжают на дешевых ходулях в Москву покорять папиков.

Выбралась на асфальт.

Тут же как заказанное возникло идущее в сторону Москвы пустое такси.

Водила развернулся, отворил дверцу:

– В Шереметьево?

Вера покачала головой.

Этот таксист только что проехал мимо горелого остова автомобиля, мимо стоящих там же «Скорых помощей» и пожарных машин, потом мимо одинокого красного «Бентли», вокруг которого ходили люди.

И одинокая дама шикарного вида на обочине могла, конечно, заинтересовать полицию. Водилы любят угождать дорожному начальству.

– Довезу, – сказал дядя.

Она опять покачала головой.

Тут он вылез из машины, матерый человечище, и пошел к багажнику с деловым и каким-то хитроумным видом.

А зачем водила ходит к багажнику? Там у него монтировка.

В этот миг на шоссе показался идущий в сторону аэропорта – и причем остановился прямо рядом – очень дорогой троллейбус «Инфинити» (Вера вспомнила того человека с его машиной, он таким общим словом называл все громадины, толпящиеся в московских переулках).

Таксист замер с инструментом в руке.

В троллейбусе открылась большая калитка.

Вера взобралась в салон.

Тяжелая калитка плавно и медленно затворилась, и троллейбус помчался.

– Еду в Шереметьево, – сказал водитель, похожий на древнего человека. На неандертальца. «Бывают же такие хари», – подивилась Вера.

– ОК, – ответила она холодно и кратко, находясь в образе дорогой жены.

Но через минуту она невольно как-то растопырила перья, как испуганная сова в Интернете, желая заслонить собой весь этот кавардак на дороге. Села даже боком, лицом к водителю.

Сзади, из затемненного салона, сказали:

– Ну я жду сообщений.

– Что? – откликнулась Вера.

– Это я не вам. А что, у вас были тут проблемы?

Вера собрала перья, обратилась в приличную сову, села лицом к дороге.

Тот, задний седок, все сейчас увидит.

– Вы подоспели вовремя. Я отказалась ехать с этим водителем. Он вдруг запросил лишнего. Я вышла. Он не отпер багажник, не отдал мне чемодан. Потом вообще развернулся в Москву. Достал биту. Вы видели.

– Ничего, все в порядке. Не волнуйтесь. Чемодан у него возьмут у первого же поста. Я сейчас позвоню.

– Да он его выбросит. Просмотрит и возьмет что надо.

– А что там есть?

– Ну что. Все мое.

– Аппаратура какая-то?

– Нет. Я профессор, ехала на лекции. Там и взять-то было нечего. Книги. Файл со слайдами у меня в сумке.

– А. Что преподаем?

– Историю Древней Греции. Детям.

– Нормально, – удивился невидимый владелец машинищи.

Это был троллейбус той же модели, в которую никак не мог наиграться бывший муженек.

Быстро и незаметно они просквозили вдоль опасного места.

Вера была готова продолжать беседу, но пассажир молчал.

Видимо, оценивал происходящее по пути.

Он же все видел в свое затемненное окно.

В аэропорту Вера вышла со словами: «Ну, спасибо и пока», постояла, никто из машины не выходил, там о чем-то приглушенно и быстро говорили, думала подождать доброго хозяина, поблагодарить, но потом вспомнила, что у нее рейс, помахала автомобилю ручонкой и вошла в здание аэропорта, ффу, спасибо.

Отправилась налегке искать свой прилавок, чтобы зарегистрироваться.

Встала в очередь, слава тебе господи, успела.

Впереди были нормальные люди, тут же семья с ребенком встала за ней, Вера посторонилась, радостно уступила им свое место, мамочка поблагодарила, папаша продвинулся с тележкой, полной обычных чемоданов.

Тут не было бандитов, никто не стрелял, не взрывал, не матерился.

Есть же мир обычных добрых пассажиров.

Вера даже поинтересовалась, как зовут малыша, ей ответили. Но она не расслышала, потому что ее взяли за локоть, довольно крепко.

Все.

Опять начинается.

Ее отвели назад и подальше.

Она обернулась, быстро собравшись, чтобы заорать в случае чего.

Сзади стоял мужчина-красавец, ну просто мечта.

Бритый налысо, в кожаной куртке.

Улыбался.

Какое-то вроде знакомое было лицо.

Лет сорока с чем-то, глаза внимательные, большие. Подбородок крутой.

А, похож на одного героя телесериала.

Что-то мама смотрела недавно по Интернету, какой-то уже давно просквозивший фильм, просто не могла оторваться. Говорила – вот предмет для каждой женщины, свободный человек, берет взятки, но помогает честным людям, мстит бандитам и своим, которые продались, а что он берет, ну и что, я бы тоже брала, если бы от меня что-то зависело (от экскурсовода в музее прикладного народного искусства, куда мало кто вообще забредал после вернисажей).

Герой телесериала крепко держал ее за локоток, говорил вежливо:

– А что, полетим со мной на Маврикий?

Вера обомлела.

А, ну да, она ведь в дорогой шубке, новых рваных джинсах, хоть и в мокрых кроссовках. Голова кудрявая, типа как березка.

То есть что-то собой представляет. Дорогая женщина, ненакрашенная. Неоперированная интеллигентка, культурный человек. Похожа на иностранку, в конце концов.

Но кто это?

Вот так запросто, вынуть женщину из очереди в аэропорту (кстати, как клещами) и взять с собой в тропики?

Ну точно актер, звезда тв из какого-то сериала о ментах.

Вера быстро ответила:

– Нет. Не полетим. Оставьте меня в покое.

И стала выдирать локоть, довольно активно.

Здесь же вокруг люди, ему будет неловко.

Ага, неловко.

Он крепко обнял ее рукой.

Сзади стоял водитель, тот, немного похожий на неандертальца.

Брови как навес над мелкими глазенками.

Челюсти. Ноздри.

Кожаная куртка, брюхо.

– Да поехали, чё, – благодушно и уверенно выводил актер свою партию.

– Вы что? У меня же нет зарубежного паспорта.

– Да ну, летим, у меня свой самолет.

– Все равно там нужен паспорт, полиция встречает.

Вера, совершенно беззащитно стоя в обнимку с этим дядей, подумала, а не снимают ли их в виде импровизации для фильма?

Тогда все понятно, его уверенность, его дикие реплики. Какого-то актера в роли бандита.

– Ишь ты. Как вас зовут?

– Вера.

– Ну вот, у меня по жизни не было веры, а тут появилась.

– Оставьте меня в покое. Пустите руки. Я опаздываю на регистрацию.

Мужчина крепко держал Веру.

Сказал неторопливо:

– Никуда вы не опаздываете, я вас не пущу туда. Там опасно для вас. Могут вас встретить.

– Кто, вы что? Я еду к тете!

– Никакой тети нет, вы это прекрасно знаете.

Вера оторопела, испугалась.

– Я еду к тете, да, ее хоронить.

– Это вам не удастся.

Бог ты мой. Закричать? Они объяснят народу, что я ненормальная. Сбежала из психушки.

– Что вы хотите? Зачем вы меня держите? Пустите, мне больно.

Пауза.

Потом он сказал:

– Ладно, летим под Анапу, где живут дельфины. Хорошие ребята – эти дельфины, между прочим.

– Верю, но мне надо в Питер.

– Не надо вам там ничего.

– Не сказала бы. Лекции.

– Ну и лады. Летим к казакам в гости. Что мне этот Маврикий.

Вера тронулась уходить, потянула руки из его объятий.

– Нет, что вы. Невозможно, люди ждут.

Мимо прошел человек. Посмотрел как бы вскользь, но вместе с ним возник легкий запашок бензиновой гари. Как там, на шоссе.

Этого Вере было достаточно.

– А, ладно. Хорошо. Только мне надо в туалет. Отпустите на минутку.

– На минутку, да. Давай сюда телефон.

Вера покопалась в сумочке, отдала.

Выпустил из рук.

Вера вошла в туалет. Там мыла руки какая-то женщина.

Вера сказала:

– Простите, не дадите ли вы мне телефон на минутку. У меня он куда-то делся, никак не найду, только что обнаружила. А мама волнуется.

Женщина протянула ей телефончик.

Вера набрала Сашин номер и сказала очень ясным голосом:

– Мамочка, не волнуйся и не беспокойся. Точка. Мне дали позвонить другой телефон. Тот телефон не у меня. Со мной все в порядке. Незнакомый человек приглашает меня лететь на его личном самолете в Анапу. К казакам. Мне-то надо в Петербург, но он так упорно приглашает. Да. Ты поняла, мамочка?

Саша был встревожен, но сказал:

– Все сделаем с Димоном сегодня же. Звони, если что. В Анапе у меня есть одна Таня, я пришлю тебе ее телефон. У Тани весь город в знакомых. Один депутат еще имеется. Но он коррупционер. За деньги, правда, сделает все.

Вера ответила очень спокойно:

– Очень хорошо, мамочка. Пока.

Убрала из телефона номер Саши. С благодарностью вернула.

Пошла в кабинку, побыла там подольше, размышляя над своей судьбой.

Выходить не хотелось.

Все-таки вышла, посмотрелась в зеркало. Не девушка смотрела на нее из зеркала, а чума – все еще грязноватое, какое-то серое лицо, потеки под глазами. Вернулась в кабинку,

отмотала туалетной бумаги, как в студенческие времена в «Макдоналдсе», уже в покое и в цивилизованном месте вымыла и вытерла лицо. Достала из сумки пистончик с губной помадой, отвинтила крышку – и тут в дверь задвинулся древний человек, он, не обращая внимания на женщин, взял Веру за плечо, и под тяжестью этой руки она пошла навстречу своей судьбе. Крышечка от помады упала. Незакрытый футлярчик сунула в задний кармашек джинсов. Нагнуться за крышкой не успеваю. Уволокли.

Снаружи стоял тот супермен.

Веру встретил добрый-предобрый взгляд красивых мужских глаз.

Так-то она уже отметила у руководителя своей судьбы второй подбородок, брюхо, жирные пальчики. Набрякшие веки. Пьет.

Она перешла от неандертальца к актеру под руку.

У этого красавчика забренчал телефон, он послушал и тихо сказал в ответ на крик: «А, понял-понял. До связи. Целую, мужик».

Отключился и произнес:

– Мой самолет, оказалось, не здесь, вылетаем с другого терминала. Поехали.

Вышли наружу. Стояло обычное серое утро. Уже было, наверно, часов восемь. Летел снежок. Всюду сверкали лужи.

Народ вылезал из машин. Народ вез тележки.

Что происходит?

Стала выдираться. Громко сказала:

– Оставьте меня в покое! Где полиция?

– Все тут, все тут, – ответили ей и как бы ласково прижали ее голову к своему плечу. Ладонь, грязная, потная чужая ладонь плотно легла ей на щеку. Как бы утешая. Тише, родная.

Мизинец оказался прямо тут, около ее рта.

Как по мановению руки подъехал тот самый троллейбус, «Инфинити», игрушка бывшего мужа, о господи, когда же мне встретится настоящий-то?

«В смысле, настоящий мужик-то», – вдруг подумала она.

Актер залез первый, в заднюю дверь, а Вера, сопровождаемая водилой, поднялась на переднее сиденье.

Рука сзади легла ей на плечо и прижала к спинке.

«Ему я что, понравилась?» – подумала Вера. Стало жутко.

Громила сел на свое место и сказал, как собаке:

– Ремень!

Пришлось пристегнуться.

Тронулись, ехали по пустому шоссе, сзади что-то легко чпокнуло, как будто открыли бутылку, водила покосился на нее своими дырками и кивнул, и сразу Вере на лицо наложили вонючую мокрую тряпку (актер?) и крепко руками прижали голову к спинке кресла.

Вера задохнулась под этими сильными руками. «Умираю, – кричала Вера, – что ты делаешь, подонок!» Потом она полетела по какому-то темному тоннелю, в носоглотке саднило от едкого запаха, били беспрерывные острые, косые лучи, тоже едкие, после чего потерялась память.

Очнулась она в положении сидя, крепко притороченная пластиковым шнуром к стулу. Она была в одной майке, драной на боку, и в джинсах. Непонятно, трусы есть или их тоже сняли? Как лифчик. В промежности сильно саднило, как будто там была сорвана кожа. Подонки.

Голова кружилась, резало кожу этой тонкой веревочкой, особенно на боку. К горлу подступала тошнота. Очень хотелось пить.

За окнами, которые были с той стороны забиты решетками, стоял белый день.

Время явно после двенадцати. Сколько же часов прошло?

Мой самолет улетел.

За столом, здрасте пожалуйста, сидел тот самый красавчик лет сорока пяти. Немного теперь одутловатый.

– Ты как, (…), оказалась в этой шубе?

Вот это да!

Последовал крутейший мат.

– Долго мы ждать будем? Отвечай! (Тяжелая матерная ругань.) Это не твоя же шуба, (мат далее везде). И все вещи на тебе новые не твои. Или твои, (…)? Откуда у тебя в сумке чеки? Откуда такие деньги? Миллионы? Мы навели справки. Ты в школе для отсталых дураков работаешь. Грецию еще придумала (…), древнюю (…). У тебя не может быть таких эксклюзивных вещей. Отвечай.

Ого. Слова какие знает наш актеришка. Эксклюзивных. Поднатаскался.

– Да.

– Че да, че ты да тут завела (…). Откуда у тебя это все и где остальной багаж, который ты украла, (мат)?

– Я не крала ничего.

– Тебе что, его так отдали? Кто такая дура-профура, (мат)? Тебе отдавать? Поверю, думаешь?

– Нет, не отдали.

– Ну.

– Дайте попить.

– Пос…ть тебе не дать? Пос…ть тебе? Щас, разевай мурло свое (…) такое-этакое. Попить ей. Ножом тебе в рот суну, хочешь? Кровью зальешься, а не воды тебе. Отвечай (…).

– Нет.

– Че нет-то опять? Заладила.

– Не моххху… хх…оворить, в хх…орле пере…охло.

– Пересохло? А в фейс не хочешь получить?

Он показал ту, уже испытанную на нашей щеке, огромную пухлую ладонь. Дернул ею у своего виска, как бы замахнулся.

У Веры руки были прикручены сзади, за стулом. Правая кисть как-то еще могла пошевелиться, остальное было туго затянуто этой тонкой, как нож, веревкой. Голова у Веры бессильно висела, она только иногда исподлобья взглядывала на красавчика за столом.

Какой-то он был прямо телевизионный персонаж, причем в своей же роли, следователь в штатском.

– Ты ехала в аэропорт, у тебя билет. Отвечай.

– Дай… воды.

Мат.

– Дай… п-пить, вссе ххкахху…

– Все она скажет, дурра (…). Кызел! Дай ей из-под крана воды.

– Во что? Куда? (Отборный, длинный, изобретательный мат, как будто долго не давали высказаться, и наконец он получил такую возможность.)

– Кызел! (Мат.) Да налей в банку, какую там найдешь. Ведро там возьми у уборщицы… Сунь ей по-бырому (тяжелый мат)…

Это был ход!

Такая благородная внешность, седые виски и такой грубый, грязный мат.

Пришел водила-орангутанг. Принес воды в грязной банке, завоняло хлоркой. Подошел к Вере, сидящей с опущенной головой, рванул ее за подбородок, приставил край банки к лицу, но не ко рту, ждать не стал, пока она найдет, как попить, опрокинул на нее эту вонючую

банку. Все-таки что-то попало в нос и в горло, она задохнулась, захлюпала носом, тяжело закашлялась. Произнесла:

– Воды еще.

Актер произнес:

– Щас я тебя изуродую (…). Щас тебе банку эту знаешь куда засуну? Изнасилование в извращенной форме, знаешь такое? За которое десять лет дают, на это ты нарываешься? Чтобы я на это пошел? Кровью будешь из (…) хлестать.

Кызел подошел, сказал: «Ты че с ней так, надо вот просто (…) и все».

И, размахнувшись, ударил по опущенному, хрипящему лицу:

– Будешь говорить?

Она совсем свесила голову. Носом потекла кровь.

Тут Вера изобразила глубокий обморок.

– Ты, Кызлов, щас она копыта откинет, сознание потеряла, вообще ничего не найдем концов. Кызел, дай ей воды, сказали тебе. Ты че проявляешь инициативу? (Мат.) Просили тебя? Ты ведешь дознание? По особо важным делам?

Дознание. Это точно следователь!

И он косит под какого-то актера с телевидения!

– Ты, Кызел, докатишься у меня. Ты уже завалил то дело с курьером, ведь все уже было на ходу, другой самолет, в котором не было этих… Зачем пошел с ней в ресторан? Зачем выпивал? Все же у тебя уже было почти в руках! (Мат.) Все ведь в твоих ручонках шкодливых, все данные, денег много тебе дали. Снял номер, и все? Ушла утром от тебя спокойно, ты лежал бревном, я потом только узнал, думал, у тебя все в ажуре. Девка, видно, решила всех кинуть, куда надо не поехала, сама хотела дело провернуть, ничего не сообщила тем, кто ее нанял, сбыла один камешек за три миллиона у первых же найденных в Интернете ювелиров, накупила себе всего, тряпок чемодан, взяла напрокат машину. А ты дрых! (Мат.)Теперь нам эту надо не упустить, она ту убила, все себе взяла. С кем она работает, у того камушки. Или у нее, у (…).

– Не успела она никуда, камни у ней.

– Где у ней, обыскали. В матке нету? Нет. В анале нет.

– Проглотила она, – убежденно сказал Кызел.

Козел принес воду и стал поднимать Вере голову, лить ей на голову воду. Вера тяжело закашлялась.

– Ты! – закричал актер. – Захлебнулась она. Щас копыта вообще откинет. Ну козел (…). Дай ей пить! Сунь в зубы!

Наконец Вера, кашляя, оторвалась от пустой банки.

– Говорить будем?

Дознание теперь вел профессионал, так звучал его голос. Как в телевизоре.

– Да, теперь могу.

– Ты ехала в Шереметьево?

– Да.

– Твое такси, которое ты вызвала, сгорело. Ты должна была там сгореть.

– Я сидела сзади, мы когда наткнулись на мотоциклиста, я испугалась, нажала на ручку, дверь распахнулась, меня выбросило. Я упала на дорогу. У меня разорвало куртку и брюки. Вот. Они в чемодане.

– Почему ты вышла из машины, а они, те, сгорели?

– Я не вышла, меня выкинуло. Водитель, говорю, врезался в дерево.

– Почему?

– На нас напал кто-то на мотоцикле. С битой. Разбил стекла. Переднее. И сбоку, со стороны шоссе.

– Дальше. Кто сидел рядом с водилой?

– Какая-то девушка. Она голосовала на дороге, у нее, наверно, сломалась машина.

– Какая машина?

– Розовая.

– Дура (в матерном выражении). Марка какая?

– «Бентли».

– Откуда, какие «Бентли»?

– Но точно не «Жигули».

– А что?

– Откуда я знаю…

Он кивнул.

– У такой (…) все будет неизвестно. У нее был багаж?

– Да, розовый большой чемодан.

– Как он в лесу оказался?

– Когда мы врезались в дерево, моя дверь открылась, я вывалилась. Порвала все, куртку, джинсы. Посмотрела на них, кто сидит впереди, они оба мертвые. Мотоциклист лежит мертвый. Багажник перекосило, он был открытый. Я не могла достать свой рюкзак, а чемодан почти вывалился, его же водитель засунул на середине дороги, когда девушка садилась, поверх моего рюкзака. Я стала тянуть сначала чемодан, чтобы добраться до рюкзака. Тянула, он вывалился. А рюкзак заклинило. Мой рюкзак.

– Заладила одно и то же. (Мат.)

– А что мне говорить, я не выдумываю.

– Дальше не выдумывай.

– И тут я увидела, что из машины идет дым, подумала, сейчас все взорвется, подобрала чемодан, хоть что-то спасти, и побежала в лес. Машина загорелась, взорвалась через несколько минут.

– Ты должна была позвонить в МЧС, в полицию. (Мат.)

– Откуда я знаю их телефоны? И какой смысл, они что, успели бы до взрыва? И потом, я же слышала из лесу, что сразу мотоцикл опять подъехал, машины потом остановились там.

– Надо было к ним выйти.

– Я подумала, что это бандиты. Такой мат стоял по всему лесу. Мат, это же бандиты.

– Ага, щас (долгий мат).

– Потому что тот мотоциклист – он был из банды. А они сразу за ним приехали. Как будто знали.

– А зачем ты чужие вещи надела?

– Все на мне было мокрое и порванное. А мне же надо было в Петербург. Теперь из-за вас билет пропал.

– Что было в чемодане?

– Мало было. Вот все, что на мне, новое, только купленное. С бирками и чеками. Джинсы, куртка меховая, блузка. Сапоги. Я их не надела.

– Сапоги, да, мы знаем. А что еще?

– Ничего.

– Точно?

– Да говорю вам.

– Чемодан был целый, когда ты его тянула?

– Нет, не целый. Там дыра была во всю молнию. Он застрял под сиденьем, его заклинило. Наверно, когда я его дергала, молния расползлась.

– Что-то из него упало?

– Не знаю. Я тащила изо всех сил, на нем молния уже порвалась.

– Молния находилась вверху или внизу?

– Нет, сбоку чемодана.

– (Мат.) Ты отвечай, молния где была, когда чемодан лежал в багажнике?

– Переднее сиденье опрокинуто было, где лежал водитель. Его пробило насквозь и накрыло железной крышей и стеклом. В чемодане здоровая дыра образовалась, ну вы видели.

– Ничего я не видел.

– Вы же все знаете.

– Я вообще по жизни все знаю.

– Я поняла.

– Поняла она, шустрая! Ща поймешь у меня! (Мат.) Молния находилась где? Вверху или внизу? Он лежал вверх молнией или вниз?

– Сбоку была молния, я уже сказала. Посредине, ну как обычно всегда в чемодане.

– Куда посредине? Куда глядел этот бок?

– Как куда?

– Ну куда дыра была, наверх или вниз?

– Откуда я знаю? Я за ручку тащила. У чемодана с другой стороны колесики были, а ручка с моей стороны. Я за нее тащила. Молния посредине. Я только потом увидела, что молния разошлась.

– Когда?

– Ну когда я услышала эти голоса там, мат, чуть ли не выстрелы, я вообще побежала с этим чемоданом подальше. Думала, убьют тоже. Тех-то они убили. Я испугалась, волокла чемодан сзади себя. Только когда остановилась, посмотрела на чемодан, увидела, что молния порвана, открылась, из нее пакеты торчат.

– Думал индюк (…). Испугалась, а имущество не бросила. Понимала, что это богатый чемодан. После мертвых грабить, знаешь, за это статья полагается. Мародерство. От двух до пяти лет строгого режима. Самое подлое дело.

– Если бы я не взяла чемодан, он бы взорвался. Я ничего не крала, я его просто спасла от взрыва.

– Спасла? Ты его похитила, чужой багаж.

– Я вам повторяю, мой-то багаж со всем необходимым этот чемодан зажал. А у меня, на мне, все вещи разорвало. Я его вытаскивала, чтобы выручить своё. Свой рюкзак! А когда чемодан вывалился, я стала тянуть мой рюкзак, но его уже заклинило разбитым багажником, туда заднее сиденье выдвинулось, когда машина врезалась в дерево. И тут завоняло горелым, я выглянула, посмотрела на капот – идет дым. А чемодан розовый я же вытащила, он уже лежал на обочине. И тут я услышала опять звук мотоцикла и побежала. Испугалась. На мотоцикле был и тот, перед тем, с кого все началось, кто напал на такси. И я потянула за собой чемодан. Чтобы они считали, что никого тут нет, все мертвые. А если бы они увидели, что стоит или лежит чемодан, они бы подумали, кто-то его вынул и не успел взять. Кто-то живой, понимаете? Очень было похоже. Чемодан спокойно лежит у обочины, его не выбросило, но раскрыло. Это не было результатом взрыва. То есть тут находился человек, который сбежал. И я хотела спрятать чемодан в лесу, потащила за собой.

– Ты чемодан где открыла?

– Я испугалась, что это там наехали бандиты, и побежала в лес подальше. И не знаю, где остановилась. Там я переоделась, в лесу.

– А ты видела (мат-перемат), – опять завел свою шарманку красавчик. – У той девушки в руках была сумка?

– Не помню. В руках, по-моему, нет. Наверно, висела через плечо.

– Она с сумкой села в такси?

– Конечно. Ну а как вы думаете. Как же без сумки. Там деньги. Документы. Она же ехала в Шереметьево!

– Ты почему пряталась от людей? Боялась за чемодан?

– Нет. Боялась, что они бандиты.

Козлов вдруг вставил свое:

– Врет она все. Скрывает.

Красавец сказал:

– Ты присвоила вещи огромной цены. Верни что похитила.

(Дальнейший мат из двух глоток означал наступившее раздражение. До того они оба симулировали свою злость, накачивали себя.)

– Они бы все равно взорвались, если бы я не вытащила чемодан.

– Это воровство в особо крупных размерах. Там на миллионы долларов счет идет.

– Где, вы что? – возмутилась Вера. – У меня в сумке все чеки. Все честно я сохранила. Я верну вещи там кому. Маме ее. Но я не могла ехать в Шереметьево во всем грязном и разорванном на части. Не посадили бы в самолет. И вернуться домой бы не смогла! Кто бы меня в таком виде пустил в машину, в метро? Я сама пострадала от всего этого, вы соображаете? Все потеряла! У меня тетя умерла! Мне срочно надо ехать все там делать! А вы меня за что неизвестно связали! У меня синяки будут! Шрамы! Я вообще жаловаться буду! На экспертизу пойду! Изнасиловали, сволочи. Негодяи. Подонки. Я без сознания, воспользовались. Как последние ублюдки. За это срок полагается!

Они переглянулись, бугай явно с попреком, скривив губу. Он да, явно хотел использовать оказию, но этому некогда было ждать, пока тот закончит. Они спешили. Вдруг девка сознается, кому передала посылку там, на шоссе.

– Кому ты сдалась (…)?

Это тот водила выступил.

– Сдалась! Я сидеть не могу, все болит.

– Был обыск, дура, – сказал начальник, благородный герой. – Где всегда обыскивают этих, как ты. Которые возят в анальной полости.

– Я же говорил, кончать ее надо, че она тут будет выступать (опять вступила харя).

Герой продолжил допрос:

– Ты скрываешь главное. И никакой экспертизы тебе не видать, ты понимаешь?

Вера вдруг закричала:

– Вы не имеете права вести дознание в такой форме. Вы же полковник!

Вдруг они оба как-то дернулись.

Попала! Это менты.

– Я буду жаловаться! И лейтенант Козлов, я запомнила.

Козлов издал саркастический звук.

– Старший лейтенант Козлов, – произнесла Вера, не поднимая головы. – Вы знаете, что вы совершаете должностное преступление? У меня дядя генерал Петров, слышали?

Красавчик встал и пошел вон. За ним быстро убрался Козлов.

При этом Вера ничего не придумывала. У ее подруги Таньки дед был действительно генерал Петров, но по медицинской части, ныне покойный.

Они явно вышли из дома, загремели ключи, хлопнула тяжелая дверь.

Вера пошевелила правой рукой. Кисть была свободна и запястье тоже.

Дом этот по виду был какой-то офисной конторой, и непохоже, что он стоит в городе. Вокруг него было пусто. Не слышался гул машин. Деревья находились в отдалении.

Небольшой перерыв в допросе.

Голова кружится, все болит.

Вера нащупала свободными пальцами карман джинсов сзади. Там ведь лежит футляр от губной помады, без крышечки, а в нем тот острый осколок от люстры! Если начать пилить, к вечеру веревки упадут. Правда, отсюда не выбраться….

О. Опять загремели в замке ключи, открылась дальняя дверь.

Загремели шаги.

Кызел неподалеку, в коридоре, заканчивал говорить:

– Да чо, проглотила она их.

– Ты, это же сырье, с каменной крошкой.

Вошли. Сели.

Неандерталец возразил:

– Они глотают еще и не то. С вазелином… Ее (он кивнул на Веру) спецово послали. Те, которые тоже нашу ту Ленку вели, но потеряли, потому что мы сменили самолет. Они ее ждали не тогда. А я к ней подошел в аэропорту и типа того, есть место в первом классе, хотите? И мы полетели позже, прилетели, с ней в ресторане погужевались… Клофелинщица эта (мат).

– Заткнешься, ты! (Мат.)

– Я говорю, те узнали, что эта моя выскочила быстро утром, там дежурные сказали, ей вызвали такси, и понятно было, что она поехала продавать камни, они следом поехали, вышли на того ювелира, который ей заплатил, взял у нее на пять каратов один и на семь другой. Мне он потом признался. Я его прижал. И за ней пошла их слежка. Вот эту послали. И Ленке ведь когда машину давали напрокат, в карбюратор засунули скрепку. Я же обслугу опрашивал. Так и так она бы остановилась. Ей те послали киллера на мотоцикле. Мы же узнавали. Те засунули скрепку. И следом отправили вот эту на такси. Купили ей билет в Питер тоже. Она взяла на шоссе ту с чемоданом, убила ее, убила водителя, взорвала такси. Те понаехали, она с чемоданом смылась, решила, что самой нужнее, проглотила все. И собралась с этим вылететь, а потом на пароме в Европу.

– У нее паспорт гражданский. И потом, откуда эта рвань мокрая в чемодане?

– Вопрос денег. Первый раз, что ли, такие дела делают. А рвань они подсунули, чтобы было это… а… амиби.

– Алиби. Когда слова запоминать будешь? Да.

– Работа по двадцать четыре часа в сутки! Куда мне запоминать.

– Ты спал, Кызел, выспался хорошо.

– На клофелине? Башка болит.

– Она не могла проглотить. Там же почти двести грамм было, Кызел! Это тебе не кокаин в порошке в пакете. Как мы у той нашли почти что в матке, затолкала.

– Надо было, проглотила. Вазелином все замазала, вазелином запила. Будем ее вскрывать, по-другому не выйдет.

– Я ее резать не буду. Ты вскрывай.

Сказал он с удовольствием, Вера все услышит и сделает выводы.

– Нож из машины брать?

А, полковник руководит. Провозгласил:

– Неси. Вскрывать сам будешь, в желудке, в гавне копаться, в крови. Это ты мясник.

– Перчатки есть?

– У меня нет. Резиновых нет. Так обойдешься. Цена – миллионы баксов!

– Мы тут все кровью зальем, кто отмоет? Наши отпечатки всюду.

– Миллионы же, и не рублей. Ты все про… (Мат.) На нас двоих миллионы. Ты же ее пас, эту девку Ленку, курьера, от самого этого… Ну как его… Мы на нее после тех первые вышли, а ты все запорол. Плащ неси. Постелим плащ, аккуратно все. Девка везла камни, ты к ней в аэропорту подсел, потом поехал с ней в гостиницу, в ресторане кормил, зачем

там еще выпил? Ты был уже у цели. Ты переспал с ней. Проспал (он по-другому выразился) пакет. И все упустил.

– Она клофелинщица была. Подбавила мне. Спасибо жив остался! (Мат.)

– Мы тебя хорошо по айфону нашли. Ну какие же эти девки б-и (это сказано с чувством).

– Ладно, чё, она взорвалась ведь.

– Ну и ищи там, на дороге, алмазы-то не горят. Если они у нее были до конца, то там так и раскиданы по шоссе.

– Нет, они у этой. Я чую.

– Чуешь, так будешь резать. Свои перчатки тебе не дам.

– Да есть кожаные.

– Неси кожаные.

Помолчали. Козел сказал решительно:

– Не, надо в аптеку, ехаем, тут город рядом, купим все. Пленку купим, расстелим. Плащи пластиковые, все с себя снимем, переоденемся. В бутылке что-то осталось?

– Надо посмотреть.

– Да она слабая, ей мало надо, – сказал Козел, махнувши на Веру граблей. – Нюхнет и откинет копыта. Резать будем уже готовую. Да, ножи надо купить. Я ей сам сначала вдую, потом вскрою.

– Ты уже той вдул, чем кончилось? Два часа пыхтел. Теперь я сначала. Лопату купим.

– Две.

– Закапывать на карьере будешь ночью ты. Я на шухере.

– Он сказал поехали. И взмахнул рукой.

– Все шутишь. Кызел.

– Товарищ Самохвалов, я не шучу. Песня.

– С тобой все песня.

И они ушли.

Было ли это запугивание, чтобы она сказала – что? Где алмазы. Стало быть, в том пакете у пенька похищенные сырьевые алмазы. Да сейчас и не найти этот пенек. Три елочки без верхушек, но где? В сводках полиции должно быть указано, на каком километре была авария. А в кармашке сзади лежат три алмаза, которые могут резать веревку. Уже разрезаны были те, на лейблах.

Она начала с усилием рыться свободными пальцами правой руки в заднем кармане. Вытрясла туда, на дно, из футлярчика камни. Двумя пальцами, как щипцами, перехватила кристаллик. Стала пилить ближний шнур. Он быстро распался, синтетика. Рука освободилась. Дело пошло. За пяток минут все было закончено.

Начала с мукой растирать глубокие следы, почти шрамы, на коже.

Спрятала алмаз обратно в карман, в футляр, руки были в помаде. Побежала, помыла руки, умылась, попила воды из-под крана.

Сходила по-маленькому – сколько терпела. Все болело. Резало. Там искали алмазы, идиоты. Тщательно спустила воду.

Побежала к дверям. Нет, стекла в них не было.

Время еще оставалось. Любая покупка, тем более у этих, будут выбирать ножи-лопаты, судить-рядить, что лучше – это полчаса. Они пока доедут до города, пока найдут где поесть. В кафешку зайдут, выпьют перед мокрым делом. Перед изнасилованием. Подонки.

Потом магазин. Пока выберут нож, лопаты. Плащ вряд ли они купят, возьмут пленку полиэтиленовую. Перчатки резиновые возьмут в аптеке или в хозяйственном. Да хороший час пройдет.

Надо было действовать разумно. Хотя сердце билось очень сильно.

Взяла свою сумку из ящика стола. Там же валялся ее телефон, положила его в сумку. Там же лежал блокнот Самохвалова, взяла. На первой странице были записаны телефоны двумя-тремя очень мелкими буквами и цифрами. Почерк неразборчивый. Потом посмотрим.

Звонить своим никому не стала, никто не поможет. Адрес ее пребывания неизвестен, где-то в области, можно только будет найти как-то по телефону, но это уж дело органов. После смерти. Если тело найдут.

Да. Через максимум час те вернутся. Написала СМС другу Саше, послала: «Полковник полиции Самохвалов, старший лейтенант Козлов хотят меня зарезать и закопать на карьере, поехали за перчатками, ножами и лопатами. Где я, не знаю». Отключила телефон.

Взяла куртку, повесила сумку через плечо. Надела сверху куртку. Пошла по коридору. Туалет для наших целей не годится, вдруг кому-то из них приспичит. Нашла неглубокую бытовку, в которой стояли хозяйственные принадлежности, ведро со шваброй.

Там воняло хлоркой, висел синий халат и валялись резиновые опорки из-под сапог.

Уборщица, родная, знала бы ты, что можешь меня спасти.

Или тебе придется возить грязь и кровь.

Надела меховую куртку, сверху натянула обширный халат уборщицы, пахнущий хлоркой. Тетенька оказалась толстая, но маленькая, и халат был короткий, то есть не свисал бы вниз к двери.

И, кроме хлорки, ничем в подсобке не пахло. Ничьим дыханием, ничьим потом, ничьими ношеными кроссовками.

Выключила свет. Открыла эту дверку пошире, взобралась в цепких кроссовках по притолокам наверх, как в детстве, там встала в полроста, согнувшись и упершись ногами в противоположные стены. Почти шпагат. Как больно. Головой уткнулась в левый угол.

Очень легкая стала, как тень.

Согнулась, хотела закрыть дверь. Не получилось. Спустилась, опять-таки опираясь о противоположные стены.

Соскочила, накинула на дверную ручку длинную, воняющую хлоркой тряпку, забралась опять по притолокам, держа концы тряпки в руках.

Уперлась ногами в стенки. Потянула за тряпку, дверь стала закрываться, потянула за один конец, тряпка выскользнула из дверной ручки. Закинула ее в ведро. Уперлась руками в стены, ногой окончательно прикрыла дверь. Вернулась в первоначальное положение.

Нет. Так не получится. Увидят, что дверь закрыта, обязательно откроют и войдут проверят, не стою ли я за дверью. И увидят меня вверху.

Сползла. Немножко налила хлорки на тряпку, чтобы уж никакой запах не мог ее перешибить. Открыла дверь наполовину, чтобы было видно в щель, что за ней никого нет.

Опять забралась наверх.

Застыла ногами врастопыр над открытой дверью, в полутьме. Хорошо, что не напялила те сапоги на каблуках, в них бы этот детский фокус не получился.

Долго так упиралась ногами в стены, но боль стала невыносимой.

Решила сесть на пол и при первых же звуках вознестись.

Сняла кроссовки, связала шнурки, повесила через шею.

И вот загремели в дальних дверях ключи, Вера мигом вскочила и вскарабкалась наверх и там застыла.

Вошел, судя по звукам, один, скорее Самохвалов, Козлов ведь должен нести покупки. Тяжело и медленно прошел мимо двери подсобки, шел ведь убивать, да.

Он проследовал в кабинет, шаги замерли, раздались сдавленные восклицания, матерная ругань, вошедший побежал по коридору, заглянул в туалет, сунулся в подсобку, включил свет, звезданул по двери, так что она отлетела к стене, постоял (видимо, оглядывая помеще-

ние), тяжело дыша и матерясь, стукнул дверью туда-сюда, включил-выключил свет, побежал обратно с криком «Кызел!».

Дальше загрохотали их сдвоенные шаги, опять сунулись в подсобку, в туалет, пошли дальше, в кабинет. Громко орали, звонили куда-то, вызывали какой-то наряд.

Бестолковые крики, мат.

Вера неслышно спустилась, неся кроссовки на шее, выглянула – дверь на волю осталась приоткрытой.

На цыпочках в носочках добежала до дверей, выбралась наружу.

Там стоял тот самый «Инфинити»-троллейбус, с открытым багажником, в котором торчала лопата.

Проскользнула оттуда в салон, ключи еще висели в зажигании, завелась и с открытым багажником уехала.

Кстати, на сиденье рядом с водителем стояла большая сумка.

Вера понимала, что сейчас ее мучители объявят номер машины по всем постам и ее задержат, поэтому быстренько доехала до какой-то первой попавшейся улицы, где можно было припарковаться, надела кроссовки, схватила чужую сумку и выскользнула.

Выйдя из машины, она задвинула лопату подальше, захлопнула багажник, прошла вперед метров сорок, подняла руку и остановила попутку.

– До станции, пожалуйста.

Села на заднее сиденье, приоткрыла чужую сумку.

Там было много чего, аккуратно сложенные в пачки с резиночками доллары, евро, фунты стерлингов. Рублей, правда, было мало, две пятитысячные бумажки.

Вера попросила доехать до магазина, забежала туда, купила бутылку водки, бутылку воды и коробку шоколада. Отдала шоферу деньги, бутылку водки (сказала: «Я сегодня родилась, выпей за меня», парень закивал) и вышла.

Сейчас он вернется домой, напьется и до завтрашнего обеда будет спать. Завтра воскресенье.

В следующем магазине купила черную куртку и черную вязаную шапку. То есть то, в чем ходит весь народ.

Причем вошла туда, держа меховую шубку свернутой наизнанку. Как будто выскочила из машины в красивой, сверкающей белой блузке, уже грязноватой, правда.

Надела куртку и шапку по выходе, за углом. Сунула в чужую сумку свою шубку.

Вера добралась до Твери на попутке и электричке, попросила на станции у одной девушки разрешения быстро позвонить (свой телефон как бы сел), сказала маме срочно, прямо сейчас, ехать в Питер на вечернем поезде и скорей к тете, а если меня там еще нет, то позвонить к той питерской соседке Валяшки по этажу и посидеть у нее.

– Ты жива? – зарыдала мама. – Жива? Верочка!

Аккуратно ответила:

– Все в порядке. Жива. Ни слова никому. И не звони никому! Поняла? (С нажимом) МАА-МА!

Убрала из памяти телефона номер.

Отдала телефон, поблагодарила.

– Огромное вам спасибо! Думали, что тетя умерла, а она жива. Там наследники возбудились двоюродные. А мы-то родные, но в Москве. Надо срочно ехать, пока больную не ограбили.

Девушка с вытянутым лицом закивала.

Целый детектив получился.

Потом ехала только на попутках, понимая, что по всем постам отправлено описание ее внешности.

Питалась шоколадом и запивала водой.

Спала, лежа на заднем сиденье.

Затем Вера попросила остановиться у станции, села опять на электричку, через два часа вышла, доехала на попутке до трассы, поймала на шоссе машину и добралась до Питера.

Там опять поймала машину и добралась до дома.

Все сделала как сказала мама, во дворе нашла четыре кирпича, поднялась на седьмой этаж, встала на кирпичи, еле достала, выцарапала на притолоке большой, в полной сохранности ключ, стала открывать дверь – но оказалось, что она закрыта изнутри, видимо, на крюк. Поскольку при сотрясении двери крюк активно постукивал.

Вера занялась васисдасом. Деревянное окошко дребезжало в раме, не поддавалось. Надо было его поддеть ножиком.

Спустилась вниз, пошла искать, где купить нож. Хотела украсть нож в кафе, но пришлось бы заказывать еду, что не входило в планы Веры. Глаза ее закрывались.

Нашла в конце концов хозяйственный магазин. Купила тяжелый, мощный складной нож.

Поднялась.

Вскрыла раму окошка.

Аккуратно поставила васисдас себе под ноги.

Хотела залезть рукой и поддеть крюк.

Но Валяшка была умной старухой. Она с той стороны заказала вставить стекло, чтобы в безопасности взглянуть на посетителей.

Ее умная племянница была вся в тетку своим острым, хитрованским в нужный момент умом. И она это понимала сама. Сейчас некстати вспомнила недавнюю милую историю. Она пронеслась в мозгу одной секундой, не дольше. Как говорил бывший, мы мыслим образами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.